

Гнездовская надпись: чтение и описание

Этнография Повести временных лет имеет своим предметом более широкую область, чем тексты первых русских летописей. Естественно, в сферу исследований попадают тексты, имеющие более раннее происхождение. В их числе и знаменитая Гнездовская надпись.

Историография Гнездовской надписи уже настолько разрослась, что по числу версий может вполне успешно конкурировать с так называемыми темными местами «Слова о полку Игореве»: *гороушина* («горчица», «горчичное зерно»), *гороушца* («пряности»), *гороуца* («горючее»), *горуниа* / *горуня* (именительный падеж притяжательного прилагательного от имени Горун), *гороухца* («Горух писал»), *горуна* (имя), *гороуниа* (производное от имени Горун). Все версии, за исключением самого первого чтения надписи, принадлежащего автору этого археологического открытия Д.А.Авдусину, построены на отрицании одного *исторического факта*, который состоит в том, что на глиняной корчаге из кургана № 13 нацарапаны буквы Г О Р О У Х Щ А. Ровно с таким же успехом можно было подправить или просто подчистить эту надпись, тем самым подделав этот письменный источник.

Надуманность аргументов, приводимых в пользу упомянутых чтений, видна невооруженным глазом, особенно в части злоупотребления методом аналогий. Все они основаны на методе подбора (подстановки) слов сходных по звучанию или по написанию. Примерно также иногда действуют музееведы при сопоставлении названий статей (входных строк) старинных списков или каталогов вещам из коллекций с туманным провенансом. Имея определенный опыт исследований в этой области, можно утверждать, что метод подбора (сплошного перебора) крайне ненадежен. О применении лингвистических методов при расшифровке Гнездовской надписи вообще лучше помолчать. Поиск похожих слов по словарю Срезневского или Даля – занятие и приятное, и полезное, но это еще не лингвистика.

Профессиональные историки (историки по должности) на различных форумах в интернете в качестве «современной, последней версии» предлагают усвоить мнение, согласно которому Гнездовская надпись – это владельческая надпись и должна читаться как личное имя Горуна (А.А.Фетисов)¹, что, по-видимому, является скрытой ссылкой, правда, не без ошибки, на точку зрения, озвученную А.А.Гиппиусом: «На корчаге действительно записано славянское слово, скорее всего, Горуня – имя владельца этого предмета»². А памятник с высеченным в камне именем Гороушна на месте раскопок в Гнездово как стоял, так и стоит.

Перед тем, как начать излагать суть найденного мной решения, я зашел в интернет за свежими новостями и на сайте rikabu.ru, нашел очень неплохую работу

¹ А.Фетисов, А.Щавелев. Гнездовский археологический комплекс (23.04.2017) // www.youtube.com/watch

² Алексей Гиппиус – Берестяные грамоты и начало древнерусской письменности. Опубликовано 3 сентября 2015 г. // www.youtube.com/watch

(«пост») «Кириллица на Руси: гнездовская надпись»³, автор которой известен по позывному klapaucjusz. Эта работа посвящена критике основных версий чтения Гнездовской надписи, и её несомненное достоинство в том, что разбор существующих концепций суммарно совпадает с грамотной постановкой реальной научной задачи. К сожалению, ученые, для которых изучение истории служит основным родом занятий (средством существования), зачастую не умеют ставить и решать научные задачи. Видимо, они просто разучились это делать.

Однако дело не только и не столько в текстологии. Если Гнездовская надпись является антропонимом, именем или прозвищем, мы оказываемся в той культурной среде, где действуют законы устной поэтической традиции, или фольклора. Адаптируя известное изречение Миллера, можно сказать: личное имя в традиционной культуре значит больше, чем оно значит. Поэтому «горчица», «горючее» и т.п. как варианты решения отпадают практически сразу ввиду их явной «однослойности» в плане создания некоторого образа (описания имени).

Текстология здесь нужна, но качестве предварительного этапа расследования. В исходной ситуации единственное, что надо сделать, – это прочитать надпись *буквально*, т.е. так, как она написана. А на корчаге ясно процарапано: ГОРОУХЩА.

Как пишет klapaucjusz: «Собственно, загвоздка заключается в том, как это читать. Как две буквы – ХЩ? Как лигатуру НШ? ШН?» Затем автор отмечает известный факт, что для «X века совершенно невозможно сочетание согласных хщ». Исходя из этого он и делает вывод: ГОРОУХЩА есть чтение негодное. Но, может быть, негодным является, все-таки, не чтение, а написание?

Таким образом, мы имеем два твердых факта: 1) на корчаге написано именно слово «гороухща»; 2) сочетание согласных *хщ* для древнерусского языка действительно представляется теоретически невозможным.

Следовательно, наша задача состоит в том, чтобы установить, противоречат эти факты друг другу на самом деле или нет. Но как это сделать? Теоретически все вроде бы очень просто. Надо взять словарь Срезневского и поискать слова, оканчивающиеся на *-ща*, не забывая, что искать следует составные слова. Вполне возможно предположить, что слово «гороухща» является именно таковым. К сожалению, на практике не все так легко, ведь искать приходится не по первому слогу, а по последнему. Остается надеяться на случай. К счастью, прошло не так много времени и такой случай мне представился. Однажды, зайдя на страницу словаря Срезневского со столбцами 1549-1550, я наткнулся на слово **чужехыщникъ** (варианты: **чужехищець**, **чужехыщць**) в значении «грабитель» со ссылкой на Георгия Амартола [Срезневский 1903: стлб.1550]. При том, что слово **хыщник** происходит от глагола **хытати**, т.е. хватать.

Если в соответствии с данной моделью в ГОРОУХЩА подставить букву Ы, получаем ГОРУХЫЩА. Эта реконструкция уже вполне отчетливо делится на составные элементы, а именно: ГОРУ-ХЫЩА. Затем, предположив в первой части слово «горе» (белорус. «гóра» в том же значении), переводим все слово в целом как ГОРЕХВАТ. Данное слово имеется в словаре Даля под соответствующей статьей: «Горестъ ж. стар. горечь... Горюша об. горюшник, горюн.м. горюнья, горюха, ж. кто

³klapaucjusz. Кириллица на Руси: гнездовская надпись // pikabu.ru/story/kirillitsa_na_rusi_gnyozdovskaya_nadpis_6458673. Дата посещения 14.06.2019.

горюет, бедует или кручинится... Горегляд, горемыка, горехват (sic! – ПБ), горехлест м. бедовик, не выходящий из горя, которого беда, нужда, преследует по пятам...» [Даль 1989: 379]. Возможно, еще более правдоподобно другое написание: ГОРУХЪЩА. Тогда появление такого невероятного сочетания, как ХЩ, объясняется выпадением при написании знака Ъ, что в те времена было не слишком большой редкостью.

При такой реконструкции Гнездовской надписи и ее значения (перевода или, если говорить точнее, описания) соблюдается принцип чистоты эксперимента: Слово «горехват» до того момента не входило в мой личный словарный запас. Подчеркну лишний раз и то, что при всех других вариантах чтений этой надписи приходится делать слишком много слишком сильных допущений.

Остается выяснить и / или поставить еще несколько вопросов.

1) Прозвище Горехват в значении «горемыка» современному человеку покажется обидной кличкой и потому непрестижно при выборе личного имени. Однако вспомним, что в русских сказках в роли главных героев часто выступает персонаж, именуемый Бездольным, Горе-Горянином, Бессчастливым, или – в начале сказочной карьеры – характеризуемый как «горемыка», как тот, кто «горе мыкает». Это частное проявление универсального закона сказочной разности потенциалов начала и конца. Здесь действует поговорка, которую мы находим в той же статье словаря Даля: «Научит горюна чужая сторона (и вымучит, и выучит)». Отсюда слово «горюна» и его эквиваленты приобретают более благоприятные дескрипции, связанные с сочувственными, уважительными оттенками значений, вроде: ученый, бывалый, знающий, «жизнью битый». С этой точки зрения, особый интерес вызывает персонаж Горшеня из одноименной русской сказки (Аф.324, 325). Это персонаж, который добивается успеха особой житейской мудростью, умением загадывать и разгадывать загадки. Примечательно, что сказки про Горшеню – это бытовые сказки.

Но, все-таки, почему именно горшеня («горшечник»), а не такие популярные сказочные профессии, как башмачник, портной, кузнец? Весьма вероятно, имя Горшеня для благозвучия «написано» поверх Горухыща по аллюзии со словами «горе», «горько – горше», «горесть» или, наконец, еще одним редким словом из словаря Даля «горешап» (от *голощап*, или *горе / горем щапить?* – ПБ).

2) Обращает внимание употребление буквы У (ОУ) вместо буквы Е по нормам русского языка (ср. ГОРЕМЫКА, КОЖЕМЯКА). Как уже указывалось выше, по-белорусски горе будет «гóра», а, как можно предположить, территория Гнездова в древности входила в зону распространения диалектов, на основе которых позднее сложился современный белорусский язык.

3) Вызывают сомнение чрезмерно длинные стебли букв Щ и А, что делает их похожими на скандинавские руны. Было ли это простой случайностью, обусловленной необходимостью сильного нажима при процарапывании знаков на твердой обожженной поверхности (трудно рассчитать усилие), или умышленным, намеренным изменением формы букв для придания им дополнительного символического значения, например, атрибутов (орудий труда), указывающих на род занятий владельца при жизни? Если начертание буквы А вместе с У и Х не исключает первой версии, то буква Щ кажется полностью выпадающей из этого ряда своим откоро-

венно руническим начертанием (ставим это под вопрос. – *ЛБ*). Впрочем, если написание Х и Щ следует канону кириллической каллиграфии (эти буквы одинаковы по высоте), то из ряда выпадает уже буква А.

Данные наблюдения в целом согласуются с известными археологическими фактами. С одной стороны, скандинавское присутствие в Гнездове никем не оспаривается, с другой – при анализе надписи I из Белгорода А.А.Медынцева указывает на вытянутые пропорции букв и наличие наряду с тамгой и личным именем трех знаков, которые могут быть сопоставлены со скандинавскими рунами (приводится мнение Е.А.Мельниковой) [Медынцева 1998: 189]. В связи с этим следует учесть и то, что надпись на корчаге из Гнездова сделана по вертикали.

4) На фотографии корчаги из Гнездова видно, что левее надписи ГОРОУХЩА процарапан знак N [см.: Авдусин, Тихомиров 1950: Рис.4]. Своим написанием он повторяет кириллическую букву *наш*. По наблюдению А.А.Медынцевой, знак N как знак собственности часто встречается на амфорной керамике того времени [Медынцева 1998: 185]. Также стереотипна эпиграфическая схема «владельческая тамга – имя владельца», повторяющаяся на нескольких образцах керамики, найденных археологами на широком пространстве от Болгарии до Белгорода и Саркела. В этом отношении Гнездовская надпись не уникальна.

Главный вопрос заключается в том, какое место Гнездовская надпись может занимать в рамках темы происхождения древнерусской письменности. И, судя по всему, она к этой теме прямого отношения не имеет.

Первым достоверным свидетельством существования письменности на Руси являются записи на деревянной подложке Новгородского кодекса, датируемые 999 г. [Зализняк 2003: 190-212]. Как заметил автор статьи, вывешенной на сайте rikabi.ru (см. выше), тамги славян и есть те самые «резы и черты», о которых писал черноризец Храбр. Вчитаемся же в его запись внимательнее: **«Прежде оубо словяне еще суще погани, неймяху писмень (букв. – *ЛБ*). но чертами и нарѣзаньми читаху и гадаху»**. Итак, до крещения у славян не было письменности, т.е. текстов, состоящих из «писмен» (букв). Можно оспаривать подлинность самого сообщения Храбра, но истолковывать его в пользу существования у славян, в частности, восточных славян, собственной докириллической письменности принципиально невозможно.

Что же касается «руських» писмен (вариант «сурьские» как простую описку или толкование можно отвергнуть сразу), упоминаемых в Житии Св.Кирилла, то это несомненно буквы готского алфавита. Об этом говорит не столько сам факт существования готского перевода Библии, сколько практика навешивания этнических наименований в Византии и смежных с ней областях. Совершенно очевидно, что автор Жития русами называл готов. Тем более что названия букв алфавита, созданного Вульфиллой происходят от названий рун. По той же модели, пользуясь случайными характеристиками («этнодифференцирующими признаками»), византийцы часто называли русами представителей и других народов.

Надпись и запись – не одно и то же. Письменность – это знаковая система, с помощью которой можно делать записи, т.е. сообщения бытового характера. Так, записи на досках Новгородского кодекса являются религиозными по содержанию,

но бытовыми по характеру, поскольку имеют своей целью некое рациональное сообщение для непосвященных. С этой точки зрения, даже пространные надписи на рунных камнях в качестве графических систем суть памятные надписи, ибо содержат только набор имен и дескрипций. Однако, как показывает археология, рунические надписи на территории расселения восточных славян широкого распространения также не получили.

На фоне сказанного выше, само смешение стилей и алфавитов, греческого, кириллического и рунического, в надписях на керамических сосудах конца X – первой половины XI вв., в частности, на сосуде из Гнездова, как будто говорит нам о том, что их владельцы книжниками не были и их причастность их к письменной культуре сомнительна, поскольку ограничивается умением кое-как нацарапать на предмете тамгу и свое личное имя буквами чужих для них алфавитов. А в начале XI в. для большинства жителей этой обширной части света буквы кириллицы были еще чужими. Фактически, они пользовались графической системой, продолжения которой не знали, и, по всей видимости, воспринимали буквы именно как знаки в узком смысле слова. Эпоха берестяной грамотности еще не наступила. Отсюда и возникают все те неудобства, с которыми исследователи сталкиваются при прочтении надписей на сосудах.

Интересно, что при чтении рунических надписей возникают такие же трудности. Как пишет А.А.Медынцева, по заключению рунологов, большинство рун надписи на медной пластинке из Старой Ладого (вторая половина X в.) «не совсем обычны и чтение ее не бесспорно» [Медынцева 1983: 92]. Подводя общий итог в своем обзоре, она отмечает малочисленность сведений об использовании рунической письменности, сложности чтения рунических надписей и даже их языка [Медынцева 1983: 92]. Так что о распространении письменности они свидетельствуют не более, чем находки куфических надписей.

В интервью в 2014 года (опубликовано 20.04.16 на сайте proshloe.com) археолог С.Ю.Каинов⁴ говорил о находке в Гнездово двух металлических (sic!) писала в слоях конца X – начала XI вв.⁵ Ранее, кажется, считалось, что древнейшие писала относятся ко второй половине X в. [Медынцева 1983: 90]. Это время можно считать нижней границей распространения письменности на Руси, если оставить пока в стороне весьма щекотливый вопрос о том, когда и, главное, как слово «Русь» закрепилось в качестве самоназвания населения территории, «тянущей» к центру власти («столу») в Киеве.

В конечном счете, Гнездовская надпись в некоторой исторической перспективе или, если угодно, ретроспективе, есть то самое перышко, которое одинаково ломает спину как антинорманистской, так и норманистской теории. Славяне, местные потомки скандинавов и др. до конца X в. письменностью не пользовались. Иначе говоря, книжная грамотность не входит в перечень возможных дескрипций имени **Горухыща (Горухъща)**.

⁴ proshloe.com/sergej-kainov-sredi-vikingov-pogrebennyh-v-gnezdovo-preobladali-shweddy.html. Дата посещения 18.06.2019.

⁵ К сожалению, С.Ю.Каинов не упомянул, из какого материала сделаны эти писала, поэтому пользуюсь упоминаниями в других источниках.

Письменность (кириллическое письмо) была введена только при Владимире Святославиче. Так что «древнейшая русская надпись», если ее рассматривать в широком контексте той эпохи, в сущности, скорее противоречит идее дохристианской древности восточнославянской («russische») письменной культуры, чем подтверждает ее. Необходимо пожертвовать этой, безусловно, красивой, привлекательной оболочкой, чтобы доподлинно узнать «откуда есть пошла Русская земля».

Вместо заключения. «Гороплененная Овча»

В качестве вишенки на торте воспользуюсь одной из статей в «Полном церковнославянском словаре» (1900) протоиерея Григория Дьяченко, на которую я наткнулся уже после завершения работы над текстом настоящей статьи. Первоначально, ввиду предельной древности источника, именуемого Гнездовской надписью, я исходил из того, что имя Горухыща является гапаксом, но, в процессе занятий смежной темой, решил все-таки поискать это слово в церковнославянском языке. Чем черт не шутит, когда бог спит? И, действительно, оказалось, что я ошибался. Такое слово в церковнославянском языке сохранилось.

Приведу соответствующую статью полностью:

«**Горохищный** = на горах изловленный или заблудившийся. У восточных народов в горах обыкновенно паслись стада, и скотина, которую зверь унесет, называлась горохищная. *Богор. глас. 4. Горохищное обрѣтъ овча*» [Дьяченко 1900: 129].

Как видно из ссылки, здесь имеется в виду строка из Воскресной стихир на «Господи, воззвах», глас 4-й: «и заблуждшее горохищное обрет овча». В этом толковании с протоиереем Дьяченко до сих пор солидарны как ученые-филологи, так и церковные деятели. В «Словаре русского языка XVIII века» (1989) слово «горохищный» дается в значении «на горах изловленный, похищенный» с двухступенчатой ссылкой. Сначала цитируется Гавриил (Бужинский): «Снискание овчате горохищнаго, во еже погибшаго человека, ко отцу привести, перваго сподобити блаженства, на путь спасения наставити» (1720). Затем предлагается сравнить данное словоупотребление с «Горохищное обрѣтъ овча», взятым, как кажется, из словаря протоиерея Дьяченко, несмотря на то что источником называется «Богород.глас 2»⁶ [Словарь 1989: 180].

В «Словаре академии российской» слово *горохищный, ная, ное* толкуется как «с горы похищенный» с той же ссылкой на Октоих: Богород.глас 4 [Словарь академии 1790: стлб. 233]. «Словарь академии российской по азбучному порядку расположенный» в соответствующей статье повторяет вариант предыдущего издания [Словарь академии 1806: стлб.1202]

Епископ Василий (в миру – Василий Михайлович Родзянко) в беседе под названием «Из Бесед о Пастырстве: «Горохищная Овча» рассуждает сходным образом:

⁶ Опечатка. Правильно: «Богород.глас 4». – *ЛБ*.

«Церковнославянский перевод греческого термина, – пишет он, – очень своеобразный (sic! – *ЛБ*) – горохищная овца. Что это значит? Значит, что овца хищница? Нет, скорее наоборот, что она попала к какому-то хищнику. Где? В каких-то «хищных» горах. Потому что горы полны всяких зверей и в том числе хищных. «Серый волк под горой», говорится в детской сказке...»⁷.

Упомянутым греческим термином является слово **ὄρειάλωτον**. Перевод действительно кажется непонятным: **ὄρειάλωτον** = **ὄρει** (от **ὄρος** – «гора, возвышенность») + **άλωτον** (похищенный). Однако это не собственно перевод, но истолкование или описание значения слова. Действительно, стоящая перед нами задача не на знание языка, а на логику, т.е. носит скорее не филологический, а именно лингвистический характер.

Для сравнения приведем тексты стихаря на русском и греческом языке (нужные нам фразы выделены полужирным шрифтом):

Иже Тебе ради богоотец пророк Давид / песненно о Тебе провозгласи, /
величия Тебе Сотворшему: / предста Царица одесную Тебе. / Тя бо Ма-
терь, Ходатаицу Живота показа, / без отца из Тебе вочеловечитися Бла-
говоливый Бог, / да Свой паки обновит образ, истлевший страстьми, / **и**
зablуждшее горохищное обрет овца, / на рамо восприим, к Отцу
принесет, / и Своему хотению, с Небесными совокупит Силами, / и спа-
сет, Богородице, мир, / Христос имеяй велию и богатую милость.

Ὁ διὰ σὲ Θεοπάτωρ προφήτης Δαυΐδ, μελωδικῶς περὶ σοῦ προανεφώνησε,
τῷ μεγαλειᾷ σοὶ ποιήσαντι. Παρέστη ἡ Βασίλισσα ἐκ δεξιῶν σου. Σὲ γὰρ
μητέρα πρόξενον ζωῆς ἀνέδειξεν, ὁ ἀπάτωρ ἐκ σοῦ ἐνανθρωπήσαι
εὐδοκήσας Θεός, ἵνα τὴν ἑαυτοῦ ἀναπλάσῃ εἰκόνα, φθαρεῖσαν τοῖς πάθεσι,
καὶ τὸ πλανηθὲν ὄρειάλωτον εὐρών, πρόβατον τοῖς ὄμοις ἀναλαβόν, τῷ
Πατρὶ προσαγάγῃ, καὶ τῷ ἰδίῳ θελήματι, ταῖς οὐρανίαις συνάψῃ Δυνάμεσι,
καὶ σῶσῃ Θεοτόκε τὸν κόσμον, Χριστὸς ὁ ἔχων, τὸ μέγα καὶ πλούσιον ἔλεος.

Теперь, если мы обратимся к «Древнегреческо-русскому словарю» И.Х.Дворецкого, найдем там слово **άλωσίμος** в значении «могущий быть захваченным, доступный для захвата, легко уловимый, доверчивый, приручаемый (о животном)» и более близкое по смыслу **άλωσις** – «захват, взятие завоевание, захват в плен, пленение, поимка, ловля» [см. Дворецкий 1958: 89]. Таким образом, **ὄρειάλωτον** значит буквально (по-гомеровски) «горопленный», т.е. находящийся в плену гор, заблудившийся в горах.

Об овце, которую якобы «зверь унес» или «попавшейся какому-то хищнику» говорить совершенно не приходится, поскольку в этом случае (см. выше) неясно, что можно взвалить на себя и «к Отцу принести». «Серый волк под горой» ничем не отличается от серого волка в лесу: ... Вздумалось козлику в лес погуляти... / Напали на козлика серые волки... / Серые волки козлика съели... / Оставили бабушке рожки да ножки.

⁷ <http://episcopvasily.ru/node/49>. Дата посещения 23.06.2019.

Общий вывод может быть таков. Слово «горухищный» есть, скорее всего, результат переосмысления древнерусского слова «горухищий, -хищный» (*горе* → *гора*⁸) в двух вариантах. Либо современником, который не понимал значения этого диалектизма, либо носителем русского языка, жившим в более позднюю эпоху, когда первоначальное значение было утрачено и слово в первоначальном звучании стало непонятным (ср. летописное *слебное* → *слюбное*). Можно только предполагать, насколько древним является перевод текстов Воскресной службы Октоиха по происхождению, например, будучи современным эпохе крещения и введения письменности на Руси. А это, в первом варианте, делает возможным наличие связи между именем гнездовского Горухищи / Горухищи / Горухищи и заблудшей⁹ «горухищной» / «горухищей» овцой.

Безусловно, предлагаемая модель в дальнейшем может уточняться в тех или иных деталях. В частности, мы, вероятно, никогда не узнаем, какой именно знак пропущен при начертании имени Горухща, **ы**, **ь** или **и**. Однако специалисты по древнерусской письменности при желании могут ответить и на этот вопрос

Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии наук СССР, 1950, № 4. С.71-79.

[Даль В.] Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1989.

[Дворецкий И.Х.] Древнегреческо-русский словарь. Т.1. М., 1958.

[Дьяченко Г.] Полный церковнославянский словарь. М., 1900.

Зализняк А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание XIII Международной конференции славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С.190-212.

Медынцева А.А. Начало письменности на Руси по археологическим данным / История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международная конференция славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С.86-97

Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X – XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Русь. М., 1998. С.176-195.

Словарь академии российской. Часть II. СПб., 1790.

Словарь академии российской по азбучному порядку расположенный. Часть I. СПб., 1806.

Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 5. Л., 1989.

[Срезневский И.И.] Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.3. СПб., 1903.

Санкт-Петербург, 26.06.2019

⁸ Прочитав слово *горе* как *гора*, переводчик принял слово *горухищный* за эквивалент греческого *ὄρειάλωτον*

⁹ Вероятно, все-таки точнее говорить «заблудившейся» (не *заблуждение*, а *блуждание*).